

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ
АНАЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ANDRZEJ NARLOCH

В современном русском языке наблюдаются активные процессы образования новых типов словосочетаний, главным образом предложных. Новые конструкции формируются на основе уже бытующих в языке падежных или предложных словосочетаний. Результатом появления предлога может быть семантическая дифференциация значения словосочетания или обобщение и формализация функции предлога, сведение его лишь к знаку чистого отношения двух слов.

Процессы формирования новейших предложных конструкций связаны с различными лексическими и синтаксическими изменениями на уровне словосочетания и предложения. К ним относятся, с одной стороны, давно наблюдаемое явление ослабления значения падежей, с другой – такие явления, как структурная компрессия, явления аналогии и контаминации. Современные тенденции к ослаблению значения падежных функций кратко представлены также в книге *Русский язык конца XX столетия*¹. В настоящей статье предметом анализа будут главным образом новейшие словосочетания с опорным словом, выраженным именем существительным. Появление такого типа конструкций связано с явлением семантико-синтаксической аналогии двух слов, т.е. унаследованием

¹ *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, под ред. Е.А. Земской, Москва 1996, с. 239.

синтаксической сочетаемости одного слова другим. Аналитическую базу составляет материал, почерпнутый из прессы 80-90 гг.

В лингвистической литературе уже не раз отмечались изменения в сочетаемости, вызванные парадигматическими связями слов, общим для этих слов смысловым сходством. Правда, иногда такое смысловое сближение бывает достаточно отдаленным (даже и окказиональным), но чаще оно регулярно. Как пишет Г.А. Золотова, „параллельно книжным, строго нормированным, в разговорной речи употребляются менее строгие варианты форм связи, возникающие в результате контаминации, действия аналогии и под.“². Явление семантико-синтаксической аналогии, под которой мы понимаем „уподобление элементов языка другим элементам того же уровня, более распространенным и продуктивным ...“³, сопровождается параллельное явление контаминации двух конструкций, т.е. „скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы“⁴. Контаминация в момент своего появления „всегда имеет характер отступления от нормы“⁵ и возникает в разговорном языке в результате частого воспроизведения новой конструкции в речи. Стирание и неразличение семантической дифференцированности двух различных по структуре конструкций приводит к их смешению. Так, например, в результате контаминации словосочетаний уже давно бытуют в современном русском языке такие конструкции, как *контроль над выставкой* (по аналогии с *надзор над чем-л.*), *процесс над партией* (аналогия с *суд над чем-л.*), *введение к книге* (аналогия с *предисловие к чему-л.*).

Как мы уже подчеркнули в самом начале, появившиеся в языке новые конструкции в подавляющем большинстве – предложныс. Предлог, с одной стороны, вытесняет другой предлог, употреблявшийся до сих пор, или конкурирует с ним, с другой – часто появляется вместо беспредложного употребления. Предлог неоднократно подчеркивает какую-то часть смысла словосочетания. Именно смысловые связи слов являются одним из важнейших факторов выравнивания их дистрибуции. Центром распространения может стать не только модель сочетаемости определенного слова, но и образец сочетаемости целой группы слов. Изменения в сочетаемости слова могут сопровождаться, с одной стороны,

2 Г.А. Золотова, *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва 1973, с. 115.

3 *Русский язык. Энциклопедия*, под ред. Ф.П. Филина, Москва 1979, с. 20.

4 Там же, с. 113.

5 Н.Ю. Шведова, *Активные процессы в современном русском синтаксисе*, Москва 1966.

лишь трансформациями в структуре словосочетания, с другой – изменениями в семантической стороне слова, развитием новых оттенков значения, так как расширение круга лексической сочетаемости связано с изменениями значений слов⁶.

Проследим вкратце образец сочетаемости группы слов со значением „чувства“. Лексическое значение слова как бы предусматривает обязательное появление зависимой формы существительного с определенным предлогом. В русском языке названия чувств, проявляемых по отношению к кому-л., сочетаются, как правило, с зависимой формой дательного падежа с предлогом *к*: *любовь к родине, симпатия к девушке* и т.п. Под этот тип сочетаемости подстраиваются существительные, которые свои конструктивно-синтаксические возможности реализовали по-другому. Слова *пренебрежение, недовольство* в нормативном литературном языке сочетаются с подчиненной формой творительного падежа, ср. *пренебрежение врагом, недовольство дочерью*; слово *злоба* – с предлогом *на*, ср. *злоба на друзей*; слово *сочувствие* – с формой дательного падежа, напр.: *сочувствие маленькому народу*. В результате семантико-синтаксической аналогии часто встречаем в языке прессы *пренебрежение к врагу, недовольство к дочери, злоба к друзьям, сочувствие к маленькому народу*. В таких случаях опорные слова в сочетании с предлогом *к* подстраиваются под общепринятый для слов со значением чувства тип сочетаемости, унифицируя синтаксические возможности связи слов данной семантической группы.

Унификация дистрибутивных свойств наблюдается также у слов с общим значением „испытания, проверки с целью обнаружения чего-л.“: несмотря на то, что в данном случае трудно найти существительное, которое является прототипом сочетаемости для других слов. Существительные этой лексико-семантической группы стали распространяться зависимой формой в винительном падеже с предлогом *на*, ср. *испытания на стойкость, экзамен на мужество, проверка на подслушивание, тест на IQ, анализ на бактерии, контроль на вирусы*. Предлог *на* вносит добавочное значение предмета достижения. В основе двух последних конструкций лежит также эллипсис субстантива *наличие* (ср. *контроль на наличие вирусов*).

Возьмем примеры с другими предлогами. Например, семантическое сближение слова *гарантия* со словами типа *ответственность, обязательство* породило новообразование *гарантия перед кем-л.*, напр.:

6 В. Шапошников, *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*, Москва 1998, с. 183.

гарантия перед клиентами. В этом случае опорное слово имеет добавочный оттенок „обязательства, выполняемого по отношению к кому-л.". В языке прессы можно отметить также конструкцию *приоритет перед кем-л.*, напр.: *приоритет перед иностранными гражданами*, которая возникла в результате сближения слов *преимущество (перед кем-л.)* и *приоритет*.

Изучаемые нами процессы можно хорошо проследить на экспансии словосочетаний с предлогом *за*. Словосочетания *кампания за отмену поддержки, конкурс за получение контракта* являются новообразованиями, употребляемыми в современном русском языке наряду с синонимичными конструкциями с предлогами *по* и *для*, ср. *кампания по дискредитации, кампания по сохранению дикой природы, кампания для защиты авторских прав, кампания для отлова воров-банкиров*, а также предлогом *на*, ср. *конкурс на самые вкусные колбасные изделия, конкурс на право разработки Центральнo-Хорейверского блока*. Появление у слов *кампания* и *конкурс* возможности распространяться подчиненной формой с предлогом *за*, видимо, обусловлено ассоциацией со словом *борьба*, ср. *борьба за отмену поддержки, борьба за получение контракта*. При этом опорные слова обогащаются оттенком „активного действия, отстаивания своего мнения", и тем самым сближаются по семантике с существительным *борьба*. Такое же изменение структуры словосочетания на основе ассоциации двух существительных находим в конструкциях *агитация за создание полка, конкуренция за источники финансирования*. И в этом случае на появление модели *агитация за что-л.* и *конкуренция за что-л.* решающее влияние оказала валентность слова *борьба*. Возможно, что по такому же пути формируется и модель *ходатайство за кого-л.*, а глагольная связь *ходатайствовать за кого-л.* отмечается уже в новейших толковых словарях⁷. Подобное выравнивание словосочетательных возможностей по аналогии со словом *борьба* протекает у существительных *инициатива, критика, восстание: инициатива за дальнейшее укрепление дела мира, восстание за завоевание власти, критика за улучшение дел*⁸. Немаловажную роль играет в данных конструкциях сам предлог *за*, который специализируется в выражении отношения желательности действия и употребляется при указании лица, предмета, в защиту которого

7 Большой толковый словарь русского языка, под ред. С.А. Кузнецова, Санкт-Петербург 1998, с. 1448.

8 См. работы: Г.И. Рихтер, *Наблюдения над первообразными предлогами и предложными конструкциями в современном русском литературном языке*, [в:] *Русский язык в школе*, 1955, с. 6; Р.В. Болдырев, *Структурно-семантические процессы в русской речи*, Киев 1967, с. 41; *Русский язык конца XX столетия*, под ред. Е.А. Земской, Москва 1996, с. 41.

совершается действие. Это подтверждают такие предложения, как: *Кто – за, кто – против?*; *Мы за то, чтобы...*; *Стою за него горой*. Предлог *за* употребляется и при указании лица, в пользу которого совершается что-л., например, в случае *подписи за выдвижение кандидата*. Здесь мы имеем дело с переосмыслением значения опорного компонента: слово *подпись* понимается как существительное *голос* в значении „выражение мнения лица", ср. *голос за кого-л. (голосовать за кого-л.)*.

Приведем еще ряд других примеров экспансии конструкций с предлогом *за*. Так, по нормативам русского литературного языка, за словом *беспокойство* закрепилось употребление зависимой формы с предлогом *о* + *чем-л.* Однако это существительное часто сочетается с предлогом *за*, напр.: *беспокойство за сына*, видимо, унаследовав новый тип связи у слова *тревога* (ср. *тревога за сына*). Таким же образом появились модели *боязнь за* + *кого-л.*, ср. *боязнь за будущее сына; страх за* + *кого-л.*, ср. *страх за любимую; опасение за* + *что-л.*, ср. *опасение за здоровье*⁹, где предлог *за* в сознании говорящих представляется более уместным и выразительным языковым средством по сравнению с другими предлогами. Интересно, что в глагольном управлении наметилась обратная тенденция. Например, глагол *тревожиться* наследует модель сочетаемости у глагола *беспокоиться* (*о ком-л., чем-л.*), о чем свидетельствует уже зафиксированная в новейшем *Большом толковом словаре русского языка* под редакцией С.А. Кузнецова конструкция *тревожиться о ком-л. (чем-л.)*¹⁰.

Подытоживая сказанное выше, можно утверждать, что результатом появления предложной формы может быть не только семантическая дифференциация значения словосочетания, но и обобщение и формализация функции предлога, сведение его к знаку чистого отношения двух полнозначных слов. Введение предлога в словосочетание не изменяет ни грамматическое значение конструкции, ни семантику опорного компонента. Нивелировка лексического значения предлога наблюдается у существительных, объединяющихся вокруг слов со значением „мысли, информации". Таким образом, в результате смыслового сближения таких слов, как *вопрос, идея, задача*, со словами *мысль, информация* у первых существительных появляется новая синтагматическая связь, напр.: *вопрос*

9 Данного типа конструкции до недавнего времени считались ненормативными, см. об этом: Д.Э. Розенталь, *Культура речи*, Москва 1964, с. 91.; Н.Г. Листвинов, *Вопросы стилистики русского языка*, ч. II, Москва 1962, с. 43.; В.Г. Костомаров, *Культура речи и стиль*, Москва 1960, с. 61. Однако в новейших толковых словарях отмечается сочетаемость предлога *за* со словами типа *боязнь, страх, опасение*, см. *Большой толковый словарь русского языка ...*, указ. раб.

10 *Большой толковый словарь русского языка ...*, указ. раб., с. 1341.

об отставке, идея о третьей обороне, задача о теплопроводности. Опорные существительные из первых двух примеров распространялись до сих пор беспредложным родительным (*вопрос отставки, идея третьей обороны*). В данном случае усложнению подлежит лишь структура словосочетания, появляется добавочный элемент – предлог.

Суммируя вышеизложенное, можем отметить, что явления контаминации и семантико-синтаксической аналогии принадлежат в современном русском языке к наиболее заметным и экспансивным процессам при образовании новых предложных моделей. Проведенный анализ показывает, что в формировании новых словосочетаний исключительно важную роль играют семантические связи слов. Унификация синтаксических моделей по семантико-синтаксическим группам наметилась уже давно, но тем не менее она продолжает бурно развиваться и охватывает все новые классы существительных, что ведет к упрощению и стандаризации языкового кода и средств строения синтаксических конструкций. Возникновение новых моделей обогащает и синтаксическую синонимику (напр.: *контроль чего-л., контроль над чем-л., контроль за чем-л.*), создаются возможности синонимической замены одних конструкций другими, а расширение средств выражения определенных значений способствует появлению более четких и дифференцированных по значению конструкций.